

Нести свой крест и веровать

Культура. 1998. 5-11 марта. - с. 12

Амплитуды Малого театра

Когда-то в столицах всех республик бывшего СССР существовали национальные академические театры, облаканные властными вниманием и особыми льготами для труппы. Только в Москве такого театра практически не было. Может быть, и не нужен "главный" театр, но тот, который развивает национальную культуру, разумеется, и в России необходим. Шац годы, и как-то без осознанных провозглашений таким театром — по репертуру, по традициям, по особому вкусу к истории, русскому быту, нравам, костюмам — стал Малый театр. Что же там происходит?

Не все понравилось мне в "Чайке". Что-то оно простое, очевидное, объективно-чужеродное по отношению ко мне. Но прошло время — я стал задумываться. Причастен ли этому я? Удивился. И, может быть, именно потому захотелось разгадать этот парадокс.

Малый театр один считает архаичным, другое — хранителем традиций. А Малый истолковывает свой реализм как вечное "человечество", существующее в русской культуре. Традиции его вытекают из времени, поколений, естественным отбором, формирующим то, что называется академией. Не будем это противопоставлять новаторскому театрам, выходящим сами безупречные домыслы. Там талантливость вымысла чуждот своему субъективизму. Там речь не о самой жизни, а по поводу жизни. Там сконцентрированный образ возвращает нас к реальности. А в Малом театре, наоборот, реальность жизни (конечно, со своим художественным отбором) спадает образ, систему мышления театра при объективном прочтении автора, особенно в классику. Театр открывает нам секреты авторского мироздания.

Это трудно. Трудно продолжать и обогащать традиции. Это и рискованно, ибо не за что опираться, а неудача испугает мистифицирующе. Малый театр (да и реализм в целом) архаичен.

Однако в последние времена стало появляться неожиданные для этой сцены спектакли, например очень веселые "Волги и свдвг" режиссера В.Иванова с микрокосмичными и изощренным оформлением художника А.Плужина. Традиционные мифологические и очень серьезные пьесы А.Н.Островского поставлены в стремительной игровой манере, увлеченность актеров объединяет сцену и зал в отношении к делам давно минувших дней, да и к нашим нынешним, столь указавшим слабости.

Но как истолковать такой поворот, имея в виду театр традиций? Как рождение чуждого ребенка?

Другой пример — один из последних спектаклей, неожиданный и изобретательный мюзикл А.Колкера "Свидетель Крайчюнского" по мотивам пьесы А.Сухомлина-Кобылева (режиссеры В.Соломин и А.Натеркин). Это даже не просто мюзикл. Это ламплет, протек, пародия, игра, нечто полустороннее, признанное возводило единый образ маразматического мира.

Театр видит историю Крайчюнского как приключенную, уродливо-комическую фантастику. Она становится ядром театральной и общество, и на пристрастия Крайчюнского. И весь этот панорамный преподносится в изысканно-красивой сцениграфии художника Ю.Харинова, в сказочно зигарных костюмах, в цветосенсорно-стимулирующей (слабко, что спонсоры подруги, как могли), а также в эффектных сочетаниях балетмейстера Л.Ларфененко.

И как обновился в этом водороте фантазии и шалости наши старые знакомые Т.Лаврова, А.Попов, В.Бочкарев, В.Баринков, молодцы Л.Титов, К.Давыдов во главе с актером биестаповского, умного юмором В.Соломиным.

Но как же могло случиться, что такая серьезная классика вдруг вышла такое "несерьезное" полюдие не где-нибудь в каком-нибудь театре молодежной экзотики, а в русской академии?

И тут вдруг рождается "Тайны надирского двора" Э.Скриба и Э.Лягува в чисто классической манере режиссера В.Бейлиса с чарующим взгляд академического оформления Э.Стеinfeld. Чем дальше, тем интереснее становится стра-

мательно развивающееся действие, напоминаем нам, что комедия требует не только легкости, но и подлинные страсти. Очевидно, так и надо играть эту остроосколенную, но выжста с тем и очень разогворую пьесу. И мы видим удивительный актерский ансамбль, в котором проявились самые привлекательные качества исполнителей, ранее скрытые, так в полной мере произошло с В.Езеповым в главной мужской роли короля Испании Карла V.

Я преклонился перед традициями и опасаясь их. Традиции — моя опора, школа, "отче наш", старт. Они прекрасны до тех пор, пока ты над ними, по-своему властвуешь, и Божа утиски, когда они, совершат-

уважаемых, выверенных, воспитанных, начинают властвовать над тобой. В вечной попытке создать себя следующего, еще не открытого самим собой, таится подзатонательный и опасительный бег от самого себя следующего. Это бесконечный процесс. Меняется надо, освобождаясь от себя вчерашнего, уходя от веропроданчества замечательным, но прежним образам и кумирам. Кажется, что в жизни Малого театра сегодня вера берет жингитальный процесс — традиции переки.

Но все-таки, что же произошло с "Чайкой"? Среди спектаклей минувшего года о "Чайке" надо, очевидно, говорить подробно.

Размышляя о том, что же в спектакле не удовлетворило, я стал думать о другом, об особой способности артистов Малого театра не назойливо, как бы исполвель, так воздействовать на зрителя, что у каждого сидящего в зале рождается собственное, личное понимание происходящего, своего отношения к действующим на сцене людям. И хотя пьесу читалось (и не только мне), что спектакль "и о нем", по зрелому размышлению понимаешь: речь-то в нем идет о проблеме острой и болезненной — об одиночестве в этом разрозненном людском мире, одиночестве каждого, одиночестве всех. Каждый живет своим интересам, чувствам не могут объединить никто не всех, но хотя бы какие-то группы. Решительно ничего. Так разве это отсутствие концепции спектакля?

«Нужно ли в собственном имени Скрибу (В.Коршунов-старший). Его деликатные пошлости и добротворству тщетны, обречены. Этим обусловливается его продолжительные и насыщенные "зены молчанья". Они вдруг становятся тамож.

Хрупкой, утонченной и легко ранимой Триглав (А.Коршунов-младший) живет в мире своих полусторонних и малопонятных образов, рассчитывая, увы, на невозможное — на понимание.

Яркая же пара гостей — Тригорин (Ю.Соломин) и Аркадина (И.Муравьева) — словно пришельцы из других миров.

Ю.Соломин не в чем не идеализирует своего героя (конечно, так думает и Чеков). Конечно, Нена (И.Равалова) его выдумала, алобившись в его популярные книги, идеализируя в нем и его слабости. А может быть, и хотел бы взлететь на "крыльях любви", но не смогла увы астрелянуться душа. Выходила из себя, расщепляясь на успех, всегда заполнившие пространство, где только она появлялась, есть всякая зашита маска, за которой главная для нее жизнь в вымысле (мы играем в жизни, а живем на сцене), в построенном ею всевозможных замках самодовольства.

В спектакле Малого театра (режиссер В.Дружинин, руководители постановки Ю.Соломин) люди покинули на небольшом острове в том самом тропическом колдовском озере, существующие рядом, но нигде не становящиеся даже полусторонними. Они не смыкаются. И никто не рассчитывает на обликание, никто за это не борется, никому это не нужно.

Так что же может не удовлетворять?

На изменая Чекову ни в чем, не возмущая спокойствия собственной субъективной трактовкой, когда уместно назвать режиссера "трагическим спектаклем", как это делал Мейерхольд. Театр таким решением как бы делает свой шаг "спектаклем автора". Вот только бы, рассуждая так, не оказаться в нейтральных водах объективизма, в этой сфере "оплохого отношения К повору, не возмущающего пристращаем "словари иностранной речи, С.Петербург, 1990 г.). Может быть, именно личного пристрастия и недостает для полного успеха "Чайки"? Помню, как С.Бир-

ман рассказывала, что Немиров-Данченко, посмотрев какой-то спектакль, полупристойно пошутил: "Как написано, так и сыграно". Недаром выдающийся режиссер Малого театра А.Джиги не начал работать над пьесой, как он говорил — "с укрупнением конфликта".

Справедливости ради, замечу, что зрители смотрят "Чайку" молча, заморожено, разгадывая Чекова, по своему его понимая, и просят актеров дружными аплодисментами. Не будучи это уменьшаться. И вот тут удивительная способность артистов Малого театра проявляется. Просто неправильно, и порой не сразу понимаешь, почему и чем. Впрочем, так ли уж это загадочно?

Театр богат актерскими индивидуальностями. Достаточно отметить, чтобы заинтересовать, даже озадачить зрителя. Артисты Малого театра традиционно талантливы, что говорит не только о маекерах, но и о способности к пониманию. Их виле в лучших примерах строг и безупречны. А похолодосе неадекватности, которая рождает емкой мир, мышечный какой-либо тенденциозности или схематичности. Это подтверждают спектакли из обширного репертуара театра: утонченный "Дядя Ваня" (режиссер С.Соловьев), экстраординарный "Царь Федор Иоаннович" (режиссер В.Раввалова), трагифарс "Не было ни гроша, да вдруг алтын" (режиссер Э.Маричев), философский "Царь Петр и Алексей" (режиссер В.Бейлис).

А когда театр, как всякий грешник, изменяет самому себе, когда интеллигентность подменяется внешней респектабельностью, происходит измена вкусу? И вслед за этим всеобъемлющий психологизм личности подменяется внешними декларациями. Увы, не только "Чайка" не без этих погрешностей.

Так что "Чайка" — неавторно? Да все верно. В том-то и заключалось, что все верно; но не все хорошо по счету этого театра. Традиции, как бы сами являясь драгоценно-

стью, претендуют только на полный успех. Увы, или слава Богу, но это так.

Остается вспомнить: гений не всегда творят гениальное. Но он гений, если может сделать то, что другим и в счастливых снах не прищудилось. Поэтому не будем ждать только шедевров, что подтверждает истину, что Малый театр действительно национальная реликвия. Русская театральная академия. Он сам готов подтвердить свое назначение, только что сыграв премьеру "Леса", готовая постановка "Башенные деки" А.Н.Островского, "Воскресение" Л.Н.Толстого. Эти масштабные работы могут раскрыть с новой силой высокий потенциал театра. Могут...

Руководители Малого театра Ю.Соломин и В.Коршунов выросли здесь. Они плоть от плоти его. Они осознанно изобрели для своего театра исключительно гордую и уникальную по нынешним меркам участь — продолжение традиций театра. Им трудно сейчас. Всем трудно. Но труднее всего не то, что хочешь, можешь и что нужно, и поэтому... Как бы ни было неясным творческое озарение от содержания кармана, не всегда искусство будет вдохновенным и радостным.

Государственный академический театр должен планировать и особую уваженности своего алаудация — государство. Англичане даже построили и оживили шекспировский "Глобус". Национальное достояние во все века считалось "королевским" или "императорским". Оно нуждается в особой федеральной поддержке (конечно, за пределами отечественных возможностей Министерства культуры), чтобы гордый злом царствовал добрый мир Русского театра, к чему, право же, имеется и творческие силы незаурядных индивидуальностей, и нерастрепанные возможности Малого театра.